

logical unit is proved. Within the structure of the given method the three diverse components are distinguished: ontological, teleological and operational (V. Postovalova, V. Glushchenko). The detailed characteristics of these components is given.

Key words: scientific method, linguistic method, the structure of the method, ontological, teleological and operational components.

УДК 81: 39

Пименова Марина Владимировна,

доктор филологических наук, профессор
Военная академия МТО им. А.В. Хрулева
г. Санкт-Петербург. Россия.

E-mail: MVPimenova@yandex.ru

СЛОВАРЬ ОБРАЗОВ: МЕНТАЛЬНОСТЬ НАРОДА В ПЕРВООБРАЗАХ СЛОВ

Многие слова, которыми мы пользуемся повседневно, показывают удивительное «лицо», когда мы начинаем раскрывать внутреннюю его суть, когда мы, отыскивая корень и первопризнак, положенный в основу именованного, видим совершенно неожиданный путь его развития в истории языка.

В русском языке давно замечена основная его черта – образность. Образы – это картины, скрытые в словах. А ментальность – это и есть совокупность всех образов, которые скрываются в категориях и формах родного языка.

Наслаивание на корень аффиксов приводит к отступлению в тень первичных смыслов. И когда, разбирая слово, отшелушиваем с него приставки и суффиксы, как лук, мы вдруг лицезреем древние образы, связанные с исконной картиной мира русского народа.

Независимость: долгая дорога в дюнах.

Слово *независимость* чрезвычайно актуально в политических текстах современных СМИ. Независимость (independence) – это свобода. А *свобода* – ключевой концепт современной демократии.

Приставка *не-* указывает на отрицание базового смысла – *зависимость* «несвобода». Как понимается несвобода (т.е. зависимость, несамостоятельность) в русской ментальности сквозь призму забытого смысла, скрываемого в слове? Попытаемся открыть образ, заложенный в этом слове. Почему несвобода ассоциировалась с зависшим состоянием?

Появление слова *зависимость* относят к XVIII веку, ранее этого времени оно не отмечено в памятниках, дошедших до нас. Зависимость означает ‘состояние зависящего, нахождение под чьей-либо властью, в чьей-нибудь воле’.

Одно из объяснений происхождения этого слова – калька из немецкого или французского языков: «Слово *зависеть* по своему морфологическому строю и по своим значениям представляется соотносительным с нем. *abhängen* и франц. *dépendre*. В глаголе *abhängen*, наряду с прямым конкретным значением ‘свисать, висеть в некотором расстоянии от чего-нибудь’, также с XVIII в. развилось переносное отвлеченное ‘быть подчиненным чьей-нибудь воле, находиться в чьей-нибудь воле, власти, зависеть’. На почве этого переносного значения в немецком языке выросла цепь производных слов: *abhängig* ‘зависящий, зависимый, подвластный’, *unabhängig* ‘независимый’, *die Abhängigkeit* ‘зависимость’, *Unabhängigkeit* ‘независимость’ (см. Аделунг, Полн. лекс., ч. 1, с. 13; ч. 2, с. 722-723). Все эти слова находят себе соответствие в русских словах *зависимый, зависимость, независимый, независимость*» (Виноградов: интернет-ресурс).

Нахождение в чьей-то зависимости, подвластность в русском языковом сознании виделась как нахождение позади кого-то (слово *зависимость* включает приставку *за-*) и

состояние подвешенности (оставшаяся часть слова без приставки – *висимость*); ср. немецкое слово *die Abhängigkeit* 'зависимость' (оно переводилось в русско-немецких словарях XVIII в. 'зависительность'). Примечательно, что в «Немецко-латинском и русском лексиконе» 1731 г. слово *зависеть* используется в переводе примера на употребление глагола *stehen*: «es steht ihm das Leben, Naab und Gut darauf, agitur de ejus capite, salute, fortunis omnibus, в том живот и имение его зависит, чрез то может живота и имени своего лишен быть» (с. 602).

Зависимость – буквально «висеть за (кем-либо)», т.е. зависимость – это несвобода в своих передвижениях, своих действиях, неспособность идти своим путем – это образ ребенка, висящего за спиной у матери. Для женщин это удобный способ передвижения с ребёнком за спиной, когда свободны руки и ребёнок всегда рядом с матерью. Ментальность прочитывается в категориях языка. Первичный глагол *зависать* указывает на состояние подвешенности.

Позже он трансформировался в образ ребенка, несомого своими родителями на плечах. На плечах ребёнка носит обычно отец.

От глагола *зависать* произошел глагол *зависеть*, который имеет управление: *зависеть от*. Категория управления так же указывает на несамостоятельность.

Другими слова, зависимость – это несамостоятельность, неспособность двигаться самому, подвешенность за спиной идущего. Вот такой образ в языке рисует ментальный образ слова *зависимость*.

Самостоятельность: когда мы можем управлять своей жизнью?

Второе слово, которое мы возьмём для анализа – *самостоятельность*, к нему мы пришли через анализ существительного *независимость*. *Самостоятельность* и *независимость* – это синонимы.

Самостоятельность – это способность к независимым действиям, суждениям, обладание инициативой, решительность, а также независимость, свобода от внешних влияний, принуждений, от посторонней поддержки, помощи. Самостоятельных человек в посторонней помощи не нуждается.

С анализом этого слова справится любой учащийся средней школы. Слово включает в себя 2 корня: *сам* и *стоит*. Когда человек начинает стоять сам на своих ногах? К одному году. Вот именно тогда он и приобретает способность двигаться туда, куда ему хочется, идти без посторонней поддержки.

Образ слова самостоятельность – ребенок, вставший сам на свои ноги, делающий первые шаги в своей жизни.

Поддержка: опора, помощь и содействие.

Слово *поддержка* произошло от глагола *поддержать*, имеющего много значений:

1) а) Придерживать, не давая упасть. б) Служить чему-л. опорой, удерживать что-л. на весу. 2) а) Оказывать помощь, содействие в чем-л. б) Оказывать моральную поддержку, вселять уверенность, ободрять. 3) Выразить одобрение кому-л., чему-л., согласие с кем-л., чем-л., присоединиться к кому-л., чему-л. 4) а) Не давать прекратиться, нарушиться чему-л. б) Сохранять чью-л. жизнеспособность; подкреплять, усиливать. в) Содержать, сохранять в надлежащем виде, состоянии.

Поддержка: *держать* + приставка *под*. Вот образ, скрытый в слове *поддержка*:

Поддержка – это когда маленького ребёнка держат подмышки, чтобы он мог вставать на ножки. При этом ребёнок обычно еще сам не ходит.

Опора: опирание на упор.

Слово довольно древнее. Наблюдается многовариантное чередование корня: *-пор-*, *переть*, *пру*.

Сейчас это слово имеет много значений:

I. 1. Место, на которое можно встать, твердо опереться.

2. То, что поддерживает или удерживает что-л. в постоянном положении, на что опирается кто-л. или что-л.

II. 1. Часть сооружения, несущая на себе тяжесть других частей и служащая основанием для них.

2. перен. Сила, на которую можно положиться.

3. Тот, кто оказывает поддержку или помощь (Толковый словарь Ефремовой: интернет-ресурс).

Помощь: поддержка и опора.

Помощь образована приставочным способом от слова *мочь* (во многих диалектах это так и произносят – *помочь*). *Мочь* – это объединение силы и действия (*мощь* «сила» + *мочь* «возможность делать, умение»). *Помощь* – это содействие, вкладывание своих сил в действие другого.

Содействие: объединенные усилия.

Содействие = приставка *со-*, имеющая значение объединения (совместности) + *действие*. Та же помощь или общие усилия.

Воспитание: основы народной педагогики.

Воспитание – это набор методов воздействия на подрастающую личность с целью выработки у нее системы убеждений и шкалы ценностей. Это традиционное убеждение. А вот слово показывает иной образ.

Вос – приставка, указывающая на движение вверх = рост. *Питание* – кормление. Воспитание – это вскармливание ребенка. А знания он впитывает с молоком матери. А ребёнок, которого кормят, чтобы он рос – *воспитанник*.

Воспитывать буквально понимается кормить и взращивать.

Пестовать = воспитывать: кулинарные метафоры.

Среди известных народных терминов воспитания есть один, над которым не принято задумываться. Он выражается стёртой метафорой, поэтому внутренняя форма слова нам не заметна – *пестовать*.

Глагол *пестовать* имеет два значения: 1. То же, что нянчить *устар.* 2. Заботливо, любовно выращивать, воспитывать *высок.* Это современный русский язык. А корень слова даёт неожиданную отсылку к кулинарии: *пестовать* образовано от слова *пест* «Короткий тяжёлый стержень с округлым концом для толчения чего-н. в ступе». Пест использовали для толчения зерна с целью отделить шелуху от семени. Т.е. пестовать – очищать зерно от шелухи, отделять плевела от зёрен.

"Очищение зерна в ступе" Воронежская губ., Задонский у. 1908 г. из книги "Русская изба".

Тот, кто занимался очищением ребёнка, т.е. его воспитанием, возвращением, назывался *пестун*.

Продолжает этот ряд слов существительное *бестолочь* «глупый, неспособный к обучению», т.е. тот, кого невозможно научить. Пестовать, т.е. толочь в ступе, можно, когда у зёрен есть плевела, а если шелуху от семени отделить нельзя, то и пользы нет. Бестолочь – тот, кто ассоциируется не с зёрнами, а с бесполезными плевелами.

Кулинарный код лингвокультуры восходит к вегетативному коду, оба они очень обширны. Рассмотрим примеры метафор вегетативного кода: *плод* «нерожденный ребёнок», *генеалогическое древо*, *пустить корни* «начать жить в какой-то местности» и др.

Хлеб: всему голова – да не такая.

Еда – еще одна область малоисследованная. Именно в силу своей традиционности, еда представляет собой часть нашей культуры, образы которой вообще незаметны. Хлеб у русских делается из зерна: ржи, пшеницы. Его выпекают в печи, для этого существуют хлебные лопаты.

Хлеб: 1. Продукт, выпекаемый из муки. 2. Изделие из муки определенной формы (буханка, батон, каравай и т.п.). 3. Зерно, которое перемалывается в муку для выпечки таких изделий. 4. Растения на корню, из зерен которых изготавливаются мука и крупы; злаки. 5) Пропитание, пища (<http://www.efremova.info/word/xleb.html#VwvRScZf0cA>).

Само слово *хлеб* прячет образ не твёрдой пищи, а жидкой: *хлепать* – пить похлёбку. Хлебали кисель, щи и иную жидкую пищу. Видимо, было блюдо, которое делали из разведённой горячей водой муки. И такое блюдо было похлёбкой.

Большое количество устойчивых выражений с этим глаголом: *Идти семь вёрст киселя хлепать. Это тебе не щи лаптем хлепать. Хлебнуть горя* и т.д.

Тюря: хлеб в воде или молоке.

Развитие идеи национальной кухни приводит нас еще к одному блюду, считающемуся традиционным для русской кухни: тюря. Тюря – это «похлебка на воде с крошеным черным хлебом и солью, часто на квасе с луком», казанск., нижегор. (Даль). Первоначально тюря – это «хлеб с водой», что восходит, видимо, к муке с водой, о чём говорилось выше. Связано со значением «тереть». Вполне может быть родственно греч. τῆρός м. «сыр», др.-инд. tīras, авест. tīri- ср. р. «створожившееся молоко».

Врасплох, всполошить: эффект внезапности.

Наречие врасплох означает «неожиданно, внезапно», обычно связывается с действием, чтобы напугать (ср. фразеологизм *застать врасплох* со значением «всполошить»). Слова *всполошиться*, *сполохнутый* (разг.), *переполох* относятся к этому же образу.

М. Фасмер рассматривает слово *полох*. Ближайшая этимология: род.п. –полоха, полошить, переполох, укр. полох "страх", полох "ужас", блр. полох "испуг", др.-русск. полоштити "пугать", русск.-цслав. плахъ "страх". Кроме того, во многих славянских языках есть родственные слова с похожей семантикой. Праславянское соответствие *polxъ*;

вероятно, родственно греч. *pallo* "возбуждаю, потрясаю", родственное слову *полемика* от греч. *polemos* 'война'. В комментарии О.Н. Трубачева приводится версия, согласно которой слав. *polъхъ* происходит от и.-е. *pel-/rol-* "двигаться" при семантическом развитии "бегство" > "страх".

Врасплох – обездвигить, действуя внезапно; *всполошить* – заставить суетиться под воздействием страха.

Возможна связь со словами *полыхать* «гореть» и *всполохи* «яркие зарницы на небе» и «полярное сияние».

Слово *плохой* в ближайшей этимологии: *плох*, *плоха*, *плохо*, укр. *плохий* "смирный, тихий, кроткий", блр. *плохі* "болезненный, плохой", др.-русск. *плохъ* "плохой", чеш. *plochy* "плоский", но польск. *plóchy* "пугливый; ветренный; суетный". Скорее связано с *полох*. Сюда же, с др. ступенью вокализма, *плаха*.

Пряжа и кудель: неожиданные находки.

Пряжа – это «нити, полученные прядением». Корень –*пря-* (см. *прясть*, *пряжа*, *прядение*). Глагол *прясть* общеслав., имеющее соответствия в балт. и герм. яз. Современ. *прясть* из **prędti* в результате изменения *dt > tt > st*, перехода *ę* в *'а* и отпадения (уже в историческую эпоху развития русского языка) конечного безударного *и*.

Слово *пряжа* восходит к кулинарному коду. Вспомним сказку про колобка: он *на масле пряжён*, *на сметане мешон*. В переводе на современный русский язык тесто для колобка замешивали на сметане, а потом обжаривали на масле или, точнее, варили в масле.

Пряжу, после того, как нить прядли и скручивали, мыли в чанах, кипятя на огне. Другими словами, ее варили. Поэтому пряжа – это буквально варёные нитки.

Зачем её варили? Чтобы очистить ее перед вязанием. Руно с остриженной овцы было грязным. Шерсть очищали от мусора, затем прядли в тонкую нить, а потом две нити скручивали – так дольше носилось изделие из пряжи.

Кудель на первый взгляд тоже пряжа. Кудель – это пряжа, которая вьётся.

У В.И. Даля это слово определяется следующим образом: «КУДÉЛЬ, кудёля ж. кудёлёвка, куделица, куделюшка умалит. ласкат. кужель, пск. куделина, твер. кужень, куженька, талька, мочка, кукишка, кухотка, вычесанный и перевязанный пучок льну, пеньки, изготовленный для пряжи. || У шерстобитов и валяльщиков, кудель называется свиток, сверток избитой шерсти (куженька, см. также на своем месте). || Арх. кудёля м. мотишка, гуляка, пьянчуга. || Кудель, барашки, растен. *Primula veris*, баранчики. Зажигать куделю, род гадания. Лежи, моя куделя, хоть целую неделю! Кудельный, к кудели относящ. Куделеватый, куделистый, кудельчатый, мохнатый, мохровый, мелковолоконистый, растрепанный. Бык железный, хвост кудельный? игла и нитка. Кудельник, мочечник, кузовок для хранения кудели. || Шесток, втыкаемый в донце, с привязанною к нему куделью. || перм. искажен. скудельник, обмывающий покойников. Кудельница пряля, пряха, прилежная работница. || То же что кудельник, во всех знач. Куделить что, теревить или трепать, дергать, мохрить; - кого, драть за волосы. || Кутить, гулять, пьянствовать арх. || безличн. стоять вьюге, метели, орл. куделиться, куделить, мести, вьюжить, метелить, буранить» (<http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-14117.htm>).

У М. Фасмера находим: «кудёлъ ж. «лен, приготовленный к пряже», кудёля — то же, кудельник «прялка», укр. кудёля, цслав. кждѣль, болг. къдѣля «пучок льна для прядения», сербохорв. кудёля «кудель, конопля, лен, прялка», словен. kodêlja «пучок (конопли, льна, наматываемый на прялку)», чеш. koudel ж. «кудель; пакля», словц. kúdel', польск. kaźciel ж., «кудель, прялка, веретено», в.-луж. kudźel ж., н.-луж. kužel' «прялка», полаб. kōdél'a. Вероятно, родственно кудерь. Из др.-русс. *кждѣль происходит фин. kuontalo, вод. kōntala, эст. koopal «прялка»; из формы кудёлъ заимств. лит. kuodėlis «пучок льна», лтш. kuodeļš; см. Миккола, Verùhg. 130; ÄВ 28 и сл.; М.–Э. 2, 341, менее убедительно см. Сетэлэ, JSFOu 43, 36 и сл. Сюда же кудлó «клок, свалявшийся пучок волос, шерсти» (Бихан, JRSpr. 5, 315). Далее сравнивают с лит. kedenù, kedėnti «щипать, чесать шерсть»; см. Бернекер 1, 598; М.–Э. 2, 359. [Слав. kōděl', kōdél'a, как и kōdgrь, русск. кудри является сложением с приставкой kō-; корень тот же, что и в русск. дель «толстая пеньковая нитка для неводов»; см. Трубачев, Сб. в памет на Романски, София, 1960, стр. 140–141. Против сближения с лит. kedėnti см. еще Френкель, LWb., 233. — Т.]» (<http://vasmer.info>).

Кудель и кудри – это то, что мохнатое, пушистое. Образ уже забытый.

Сердце: народная анатомия. *Середина* и *сердце* – однокоренные слова. Новое слово появляется в языке на основе признака, уже зафиксированного в ранее существовавшем слове – концептуме (в терминологии В. В. Колесова). Мотивирующие признаки не исчезают, они функционируют в виде стертых метафор, переходя иногда в понятийные когнитивные признаки (т. е. сохраняют прежнюю актуальность), их влияние заметно в развитии многих признаков, входящих в разные группы структуры концепта.

Внутренняя форма слова *сердце* связана с признаком того, что находится внутри тела, в самой его сердцевине. Этимология слова *сердце* связывается с понятием середины, сердцевины, глубины (ср.: *сердцевина дерева; жить в самом сердце города; находится в*

самом сердце страны; *Картечь хватила в самую средину толпы.* Пушкин. Капитанская дочка). Мотивирующий признак развился до символического. Глубина – символ тайного, нераскрытого, непознанного, непроявленного. Иное название глубины – бездна, символика которой дополняется значениями, развивающими символику Великой Богини-матери: любовью, жизнью, творением-рождением. Великую тайну составляют душа и сердце человека – та тайна, постижение которой составляет подлинный смысл жизни.

В глубине человеческой природы сокрыт «потенциальный человек». Глубина есть цель устремлений познания мира. Сакральное значение глубины – центр, сосредоточение всех истин, абсолютная ценность, подлинная красота, высочайшая степень проявления скрытых качеств и возможностей.

Перспективой дальнейшего исследования может быть создание словаря образов русского (и не только) языка. Этимологические исследования показывают внутреннюю форму слова. Однако словаря, в котором визуализируются образы всего слова, пока еще нет. В этом и состоит новизна данной работы.

Удивительное свойство русского языка – хранить первообразы слов. Они прочитываются даже без особых сложностей. Это свойство сохранили не все языки мира. В этом и состоит уникальность русской ментальности – внятность форм и категорий родного языка.

Литература

1. Виноградов В.В. История слов. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <http://wordhist.narod.ru/zaviset.html>
2. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Dal-term-14117.htm>
3. Пименова М.В. Концепт *сердце*: образ, понятие, символ: монография / М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2007. – 500 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 9).
4. Толковый словарь Ефремовой. [Электронный ресурс]. -Режим доступа: <http://www.efremova.info/word/opora.html#.VwjCS8Zf0cA>
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. [Электронный ресурс]-Режим доступа: <http://vasmer.info>

Аннотация

М.В. Пименова. Словарь образов: ментальность народа в первообразах слов

Предлагается новый взгляд на методику исследования культурных значений и смыслов в словах русского языка. Алгоритм пошагового анализа продемонстрирован на разборе нескольких слов и учитывает следующие факторы: 1) формирование «микросмыслов» в частях слова; 2) визуализацию образа, заложенного в части слова на основе культурно-специфических значений; 3) логику смыслообразования и стереотипизации образов, содержащих сложные культурные смыслы.

Ключевые слова: культурные значения и смыслы; ментальность; образ, интерпретация; логика смыслообразования

Summary

M.V. Pimenova. Dictionary of images: the people mentality in the words prototype

The article introduces a new methodology of analysis of culturally specific meanings in different words of Russian language. The algorithm of analysis is demonstrated on the example of some words and is based on the following dimensions: 1) the formation of “micromeanings” in the parts of word; 2) image visualization, embedded in the parts of the words on the culturally specific meaning basis; 3) their combination into complex meanings; 4) logic of meaning formation and stereotyping of images containing complex cultural meanings.

Key words: culturally specific meanings; mentality; image; interpretation; logic of meaning formation

УДК 81-112.2

Ситняк Роман Миколайович,
кандидат філологічних наук, ст. викладач
Горлівського інституту іноземних мов
ДВНЗ «Донбаський державний педагогічний університет»
м. Бахмут, Україна.
E-mail: smiles78@mail.ru

ІНДОЄВРОПЕЙСЬКА ПРАМОВА: МІФ ЧИ РЕАЛЬНІСТЬ?

Реконструкція лексичного значення слів є одним із актуальних та перспективних питань сучасного мовознавства. Планування дослідницької діяльності обов'язково включає розподіл наявних мов на споріднені та неспоріднені, визначення спільного між першими і другими свідчить про їхнє історичне походження... з чого? Неможливість ігнорування схожих рис у багатьох мовах світу дає лінгвістам право говорити про певну історичну спільноту, яка володіла певною мовою – прамовою.

Актуальність теми полягає у тому, що багато важливих питань залишаються такими, що не сприймаються достатньо дослідженими та визначеними лінгвістами сьогодення.

Метою є розкриття поглядів європейських мовознавців щодо існування індоєвропейської прамови.

Завданнями для досягнення поставленої мети є:

1. Висвітлити погляди європейських мовознавців щодо існування індоєвропейської прамови. 2. Виявити збіжності та розходження поглядів дослідників мови на достатність доказів існування єдиної індоєвропейської прамови.

Питання, яке й досі викликає полеміку – чи індоєвропейська прамова справді існувала? Тут йдеться не про можливість довести, що такої мови не було, а швидше за все, навпаки, про виявлення достатньої кількості доказів існування єдиної мови на певному географічному просторі. Це дещо нагадує презумпцію невинності – якщо не надано достатньої кількості доказів на підтримку тієї чи іншої гіпотези, вона вважається науково не обґрунтованою та не доведеною.

А. Мейє погоджувався, з тим, що всі мови групувались навколо якоїсь первісної спільної мови. Він був переконаний, що досліднику, займаючись відновленням спільної прамови, не слід робити висновки на основі одного окремого випадку, а тільки зіставляючи одну мовну систему з іншою. Підкреслюючи, що практично ніколи не можна зіставити реконструкцію з відомою нам реальністю, учений все ж застерігав від застосування одного окремого факта, як, скажімо, у романських мовах. Однак, він був переконаний, що жодна реконструкція не в змозі представити спільну мову такою, якою вона була у живому варіанті. Саме тому, відзначаючи відновлення А. Шлейхером індоєвропейської прамови за допомогою історично засвідчених мов цієї сім'ї як геніальне нововведення, А. Мейє вважав грубою помилкою укладання тексту на цій реконструйованій прамові.

Мови, що розвинулися із спільної мови, на переконання А. Мейє, зберігають не тільки певні давні характеристики, але й стійку схильність до тотожних чи схожих